

DOI: 10.31857/S013038640023114-3

© 2023 г. А.М. Фомин

НА ГРАНИ И ЗА ГРАНЬЮ ВОЙНЫ. КОНФЕРЕНЦИЯ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ФАКУЛЬТЕТЕ МГУ

Фомин Александр Михайлович — кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова; Междисциплинарная научно-образовательная школа Московского университета «Сохранение мирового культурно-исторического наследия» (Москва, Россия).

E-mail: almif@list.ru

Scopus Author ID: 57955229300; Researcher ID: AAK-2004-2020

Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ и Национального научного фонда Болгарии. Грант № 20-59-18007.

A.M. Fomin

ON THE BRINK AND BEYOND THE BRINK OF WAR: A CONFERENCE AT THE FACULTY OF HISTORY OF MOSCOW STATE UNIVERSITY

Alexander Fomin, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: almif@list.ru

Scopus Author ID: 57955229300; Researcher ID: AAK-2004-2020

The publication was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the National Science Foundation of Bulgaria. Grant № 20-59-18007.

20–21 октября 2022 г. на историческом факультете МГУ состоялась международная научная конференция «Causus belli в международных отношениях XIX–XX вв.: дипломатия, идеология, военные приготовления», прошедшая при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и Национального научного фонда Болгарии. Организатором конференции выступил исторический факультет Софийского университета им. Св. Климента Охридского (СУ).

В конференции приняло участие более 60 докладчиков, представлявших 25 научных и научно-образовательных организаций из шести стран мира (России, Болгарии, Белоруссии, Мали, Турции и Узбекистана). Она проходила в смешанном (очно-дистанционном) формате. Участники конференции в докладах затрагивали множество вопросов и проблем, связанных с войной, с политикой, экономикой, дипломатией и идеологией. Работа велась в рамках шести секций.

В первой секции рассматривалась проблематика войны как фактора становления и разрушения системы международных отношений в XIX — первые десятилетия XX в. Заседание открыл доклад А.В. Лазаревой (МГУ). Она на материале немецкой публицистики конца XIX — первой половины XX в. показала, как историческая память о Тридцатилетней войне XVII в. способствовала складыванию немецкой «национальной идеи» через представление

об этой войне как о «национальной катастрофе» и через поиск виновников этой катастрофы. Германскую тему продолжили Н.А. Власов (Санкт-Петербургский госуниверситет, СПбГУ) и А.М. Ипатов (Военно-воздушная академия им. профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина). Н.А. Власов сравнил роль О. Бисмарка и Г. Мольтке в генезисе австро-прусской войны 1866 г. — весьма непопулярного в немецком обществе конфликта, который называли даже «немецкой гражданской войной». А.М. Ипатов отметил мастерское использование Бисмарком фактора общественного мнения для создания casus belli в ходе «объединительных» войн, в первую очередь с Данией и Австрией. А.В. Бодров (СПбГУ) проанализировал «объединительные войны» Бисмарка с позиции французов. Он показал как в ходе предвоенного кризиса 1870 г. дипломатия Второй империи, изначально не желавшая компромиссов с Пруссией, быстро перешла от стремления «переиграть» соперника к тактике эскалации конфликта во многом под влиянием уже запущенной военно-мобилизационной машины и ограниченности времени, отведенного на принятие решений. А.В. Хорошева (Институт всеобщей истории (ИВИ) РАН) рассказала, как тот же самый кризис 1870 г. сказался на политике Бельгии. Статус постоянного и гарантированного нейтралитета помог королевству избежать вовлечения в войну, что создало прецедент, надежда на который оказалась

напрасной в 1914 г. Тема бельгийского нейтралитета получила развитие в докладе Е.В. Романовой (МГУ). Она проследила эволюцию британских подходов к защите бельгийского нейтралитета на протяжении нескольких десятилетий перед Первой мировой войной — от желания под благовидным предлогом отказаться от обязательства по его защите до использования этого обязательства в качестве удобного повода для вступления в войну против Германии, если это будет соответствовать британским интересам.

Участники конференции не могли не уделить внимания теме Первой мировой войны. Б.С. Котов (ИВИ РАН) представил реакцию русской либеральной и консервативной прессы на Сараевское убийство и последующий международный кризис, вина за который целиком возлагалась на Австро-Венгрию и ее антиславянскую политику. Г.Ф. Матвеев (МГУ) на примере Польши показал избирательность и непоследовательность применения принципа самоопределения после войны. Возникшая благодаря этому принципу Польша сама не желала применять его к своим периферийным территориям и в первые годы существования не менее четырех раз провоцировала военные конфликты, каждый раз находя для этого совершенно произвольный *casus belli*. И.Э. Магадеев (Московский государственный институт международных отношений (Университет), МГИМО-У МИД РФ) рассказал о механизмах предотвращения военных конфликтов, которые рассматривались британскими государственными деятелями в 1920-е годы. Помимо Лиги Наций, которая уже тогда считалась недостаточно эффективной, большое внимание уделялось, например, созданию демилитаризованных и нейтрализованных зон.

Схожие проблемы затрагивались и на второй секции, посвященной участию империй в войнах XIX — начала XX в. Заседание секции открыл доклад В.Н. Истратова (МГУ), который на нескольких красноречивых примерах показал, как Британская империя при необходимости легко создавала удобный *casus belli* для колониальных войн в Азии. В ином аспекте британскую тему продолжил доклад Е.Ю. Сергеева (ИВИ РАН). Он проанализировал несколько критических моментов («военных тревог») в российско-британских и советско-британских отношениях, которые вполне могли стать *casus belli*, но завершились урегулированием конфликта. Автор показал общие черты и различия этих кризисов.

Несколько выступающих посвятили доклады политике Российской империи. Ю.А. Швецов (Уральский федеральный университет) рассказал о тесной взаимосвязи между войнами, дипломатическими контактами и другими внешнеполитическими акциями и процессом обеспечения «общей безопасности» в России в период правления Александра I и отметил, что тогда еще не существовало четкого разделения между органами политического

сыска и контрразведки. П.К. Романов (СПбГУ) проанализировал корреляцию фактора *casus belli* с происходившими изменениями в российском денежном обращении в конце 20-х — начале 30-х годов XIX в. и курсом финансового управления Российской империи. И.А. Хвостова (Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, НИНГУ) представила свой взгляд на дипломатическое мастерство С.Ю. Витте на мирной конференции 1905 г. в Портсмуте по окончании русско-японской войны. Тому же событию был посвящен и доклад Л.В. Байбаковой (МГУ), которая отметила роль посреднической миссии президента США Т. Рузвельта в успехе этой конференции. Дальним предпосылкам и истокам русско-японской войны был посвящен доклад М.В. Медоварова и Ю.В. Соколова (оба — НИНГУ). Авторы показали реакцию русской прессы на события японо-китайской войны 1894—1895 гг., выявив различия между консервативными газетами (однозначно антияпонская позиция) и либеральными (у которых не было устоявшегося единого мнения). О.А. Чернов (Самарский государственный социально-педагогический университет) исследовал взгляды российского дипломата Н.В. Чарыкова (он в начале XX в. некоторое время занимал посты российского посла в Османской империи и заместителя министра иностранных дел) на причины и происхождение международных конфликтов и войн.

Политика Османской империи была в центре внимания гостей из Турции. Серкан Кечеджи (Университет Докуз Эйлюль, Измир) рассказал о попытках Высокой Порты создать в XIX в. в своих балканских владениях систему военных поселений (колоний) с целью усиления контроля за этими провинциями со стороны центральной власти. Эффект оказался обратным ожидаемому. Насажение таких поселений только усиливало враждебность местных жителей и провоцировало восстания. Мустафа Танрыверди (Стамбульский университет) рассказал о неудачных планах Османской империи в период Крымской войны перенести военные действия на российскую территорию с опорой на действовавших против России местных горцев.

Работа третьей секции была посвящена природе конфликтов и путям их разрешения на пороге нового тысячелетия. Заседание открыло выступление Дарины Григоровой (СУ), в котором на материалах донесений болгарских дипломатов освещалась ситуация на Украине в начале 1990-х годов. Уже тогда прочитывались многие фундаментальные проблемы этого молодого государства — большое влияние агрессивных националистов, своекорыстные прозападной элиты, оторванной от нужд населения, давление на национальные меньшинства, в том числе и на местных этнических болгар. А.П. Косов (Белорусский госуниверситет) проследил эволюцию позиции США по отношению к конфликтам на территории Грузии (абхазский и южноосетинский) от момента их зарождения до «пятидневной войны»

2008 г. Изначально США приветствовали миротворческие усилия России, признавая Закавказье сферой ее интересов. Однако уже при Э. Шеварднадзе наблюдается заметный «дрейф» Тбилиси в сторону партнерства с США, ставший совершенно необратимым после «революции роз» 2003 г. В вооруженном конфликте 2008 г. Россия одержала чисто военную победу, но потерпела «информационное» поражение. М.А. Кокорев (МГУ) провел сравнительный анализ «афганских войн» СССР (1979–1989) и США (2001–2022), отметив, что для обеих держав вовлечение в этот конфликт изначально было «вынужденным» (недопустимые, по мнению лидеров, угрозы национальной безопасности), а итог – плачевным. Доклады А.Е. Кутейникова (СПбГУ) и А.И. Сквозникова (Тольяттинский госуниверситет) были посвящены международно-правовым вопросам, связанным с понятием *casus belli* на современном этапе, а также проблеме правомерности применения военной силы в международных отношениях.

Четвертая секция объединила историков, чьи интересы так или иначе касаются происхождения Второй мировой войны, а также причин и последствий кризиса Версальской системы в 1930-е годы.

Заседание открыл доклад А.А. Вершинина (МГУ), в котором автор проанализировал политическое и стратегическое измерение советско-французского пакта о взаимопомощи 1935 г. А.В. Хорошева (МГУ) рассмотрела чрезвычайно интересную тему: как деятели коммунистических и социал-демократических партий Европы в 1933–1936 гг. пытались объединить усилия для противостояния тому пропагандистскому успеху, к которому неизбежно привело бы проведение Берлинской олимпиады 1936 г., и создать «народный фронт в спорте». А.Е. Кузичева (МГУ) попробовала разобраться в истории появления подложного политического заветания Ю. Пилсудского после его смерти в 1935 г. М.С. Павлова (Институт международной экономики и международных отношений РАН) подробно проанализировала один из необычных эпизодов дипломатической истории 1938 г., когда Польша, угрожая Литве войной, добилась, чтобы та установила с ней дипломатические отношения, что означало отказ от территориальных претензий на Виленскую область. Е.В. Корунова (МГУ) показала шведскую версию политики «умиротворения» во время Второй мировой войны – постоянные уступки формально нейтральной Швеции гитлеровской Германии. Отчасти это объяснялось традиционными симпатиями к Финляндии (с 1941 г. – союзницы Германии), отчасти прогерманскими настроениями короля Густава V, но главным образом элементарным страхом перед возможностью германского вторжения.

Несколько докладов были посвящены политике великих держав на Балканах и на Ближнем Востоке накануне и во время Второй мировой войны. А.Ю. Тимофеев (Белградский университет, Сербия) рассказал о постепенном подчинении Балканского

полуострова державам «оси» – начиная с захвата Албании итальянцами и заканчивая вторжением Гитлера в Югославию и Грецию. О.И. Агансон (МГУ) подробно остановилась на болгарском факторе в балканской политике великих держав, в первую очередь Великобритании и Германии, накануне Второй мировой войны. А.В. Болдырев (Институт востоковедения РАН) проанализировал внешнюю политику Турции в начальный период войны, прежде всего в связи с заключением ею 16 октября 1936 г. союзного договора с Великобританией и Францией. А.М. Фомин (МГУ) показал различие в подходах Великобритании и Франции к идее создания «нейтрального блока» на Балканах в период «странной войны». Е.Б. Сафаров (ВС Узбекистана, Военная академия генштаба РФ) представил планы военно-политического руководства СССР и Великобритании в отношении Ирана в 1941 г. – именно в этой стране, как известно, была осуществлена первая совместная военная операция держав антигитлеровской коалиции.

Большой интерес у присутствующих вызвали выступления некоторых гостей конференции, позволившие взглянуть с неожиданного ракурса на историю и предысторию Второй мировой войны. Доклад В.Н. Прямыцина и А.А. Гаврилова (оба – Военная академия генштаба РФ) был посвящен взаимодействию гидрометеорологических служб СССР и Германии, которое продолжалось до самого последнего предвоенного дня. В выступлении нашла отражение политика СССР в области военной гидрометеорологии во время Великой Отечественной войны. М.В. Карпова (Музей Калининского фронта, Тверь) рассказала о становлении и развитии служебного собаководства и почтового голубеводства в военных целях в СССР накануне и во время Второй мировой войны, отметив, что огромное значение в этих областях играло взаимодействие соответствующих государственных органов с собаководами и голубеводами-любителями.

Пятая секция была посвящена конфликтам и кризисам эпохи bipolarного мира и холодной войны. Открыл заседание секции доклад Война Божинова (Институт исторических исследований Болгарской академии наук) с интригующим названием «Была ли на самом деле холодная война?». По его мнению, «холодной» она была только в Европе, где непосредственно противостояли друг другу два военно-политических блока. Однако множество локальных конфликтов в других регионах мира, в которые прямо или косвенно были вовлечены СССР и США, придавали этому противостоянию черты перманентной конвенциональной войны с эпизодическими военными действиями исключительно на периферии. Р.Ю. Червяков (МГУ) продемонстрировал, каким образом советская карикатура объясняла решение правительства Великобритании и Франции начать вторжение в Египет в 1956 г. (Суэцкий кризис) и в какой мере эти объяснения соотносились с общим пропагандистским

фоном советской периодической печати. Д.В. Родин (МГУ) рассмотрел взаимодействие стран-участниц НАТО на примере одного из конфликтов периода деколонизации. Во время индийского вторжения в португальские колонии Гоа, Даман и Диу в 1961 г., несмотря на обращения со стороны Лиссабона, его союзники по НАТО, в частности США и Великобритания, отказались от прямого вмешательства в индо-португальский конфликт. Л.Р. Хлебникова (Институт стран Азии и Африки МГУ) исследовала ключевые факторы, приведшие к началу вторжения Израиля на территорию Ливана в 1982 г. Докладчик раскрыла последствия этой операции для самого еврейского государства. «Израильский Вьетнам», как нарекли этот конфликт в Израиле, стал самым противоречивым и драматичным событием для страны в тот период.

В рамках этой же секции с докладами выступили и профессиональные военные специалисты. Амади Шеикне Кулибали (ВС Республики Мали, Военная академия генштаба РФ) рассказал о военном конфликте между Мали и Республикой Буркина Фасо в 1985 г., известном как Агашерская война. Как и многие подобные конфликты в Африке, эта война была вызвана несогласованностью постколониальных границ и наличием ценных минеральных ресурсов на спорной территории. В выступлении были проанализированы замыслы сторон, дана сравнительная характеристика их сил и средств, оценена эффективность форм и способов военных действий, представлены военно-политические результаты конфликта и освещен процесс его урегулирования под эгидой Организации африканского единства. А.А. Кузнецов и Е.В. Бей (оба – Военная академия генштаба РФ) показали историю создания системы противовоздушной (противоракетной) обороны США в годы холодной войны и ее влияние на военную, геостратегическую и научно-техническую составляющие политики Вашингтона. Само наличие такой системы (якобы эффективной на 99,9%) серьезно увеличивало политический «вес» США на мировой арене и улучшало их переговорные позиции в отношениях с Москвой.

Шестая секция объединила историков, изучающих конфликты на Балканах – в «пороховом погребе» Европы.

В докладе О.А. Дубовик (МГУ) были рассмотрены внешнеполитические взгляды Стефана Стамболова – болгарского политического деятеля конца XIX в., прозванного за прагматизм «болгарским Бисмарком», и его планы военно-политических союзов с Австро-Венгрией, Османской

империей и соседними балканскими странами. Доклад, который представил Я.В. Вишняков (МГИМО-У МИД РФ), был посвящен психологическим аспектам «милитаризации повседневности» в Сербии начала XX в. Реакции русской прессы на Вторую балканскую войну 1913 г. уделил основное внимание Н.С. Гусев (Институт славяноведения РАН), показавший, насколько болезненно эта война, разрушившая «славянское единство», была воспринята в русском обществе. Схожей теме, но уже в чисто болгарском аспекте, было посвящено выступление Е.К. Трифионовой (Сыктывкарский госуниверситет им. Питирима Сорокина). Вторая балканская война практически уничтожила идею славянского единства, но перед Первой мировой войной, а также во время нейтралитета Болгарии в этой войне (1914–1915) эта идея еще жила. Ее последним носителем оставалось Славянское благотворительное общество. Д.В. Добрынин (Кубанский госуниверситет) рассмотрел характер русско-болгарских отношений накануне Первой мировой войны, уделив особое внимание месту этой темы в русской публицистике.

Как показала конференция, события XIX–XX вв. дают богатейший материал для исследований и обобщений по истории войн и военных конфликтов. За это время человечество проделало путь от чугунных ядер до ядерного оружия. Начало войны во все времена было политическим решением, и механизм принятия этого решения (или отказа от него) определялся характером политического строя государства, представлениями его лидеров о государственных интересах своей страны, а также о вероятном противнике – его целях, возможностях, сильных и слабых сторонах. Конечно же «черта», после которой дипломатические средства представлялись исчерпанными, часто проводилась произвольно, в соответствии с субъективными представлениями облеченных властью людей, что допустимо или недопустимо для державы, возглавляемой ими. Соотношение объективного и субъективного факторов в истоках и причинах войн и конфликтов – вопрос, на который вряд ли может быть дан общий и исчерпывающий ответ. В каждом конкретном случае требуется глубокое изучение всего доступного исторического материала.